

ХРАКОВСКИЙ В. С.
ИСТОКИ ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Тезис о том, что синтаксическая структура предложения иерархична¹ и, следовательно, ее элементы расположены на разных уровнях, очевидно, принадлежит к числу тех немногих исходных утверждений, которые разделяют все концепции, описывающие синтаксическую структуру в терминах членов предложения. Принятие этого тезиса естественно ставит вопрос о характере иерархии, т. е. о том, какие элементы структуры являются доминирующими (= господствующими), а какие — доминируемые (=зависимыми). В частности, для оценки любой концепции существенно знать, как она решает проблему абсолютно доминирующего члена предложения.

По словам А. А. Холодовича, «в языкознании на этот вопрос было дано три ответа» [1, с. 294; см. также 2—3]. В соответствии с точкой зрения, принятой в традиционном языкознании, доминирующими членами предложения являются одновременно подлежащее и сказуемое. Доминирующая роль подлежащего и сказуемого, как известно, закреплена терминологически. Эти члены предложения принято называть главными, а все остальные — второстепенными. При таком подходе между подлежащим и сказуемым как будто бы не может быть отношения синтаксической зависимости и предложение должно характеризоваться как двувершинное¹.

Структурное языкознание отвечает на этот вопрос иначе. Абсолютно доминирующим членом предложения признается подлежащее, а сказуемое зависит от подлежащего и соответственно понижается в ранге [9—10]. Другой ответ предлагает прикладное языкознание. Абсолютно доминирующий элемент в структуре предложения — сказуемое. Что касается подлежащего, то оно зависит от сказуемого точно так же, как и дополнение [2]².

Проанализировав эти точки зрения, А. А. Холодович приводит убедительные доводы в пользу доминантности сказуемого. Основной довод — следующий. Сказуемое р е п р е з е н т и р у е т предикативную синтагму и тем самым является абсолютно доминирующим членом предложения. «Репрезентация, — пишет А. А. Холодович, — является средством о п о з н а н и я доминирующего члена, хозяина в любой синтагме, в том числе и в предикативной, т. е. в синтагме, состоящей из подлежащего и сказуемого» [1, с. 297]. Одновременно А. А. Холодович отмечает, что доминантность подлежащего лингвистически не доказуема,

¹ Справедливости ради следует отметить, что исследователи, различающие главные и второстепенные члены предложения, видимо, не всегда отчетливо связывают данную классификацию элементов синтаксической структуры с характером синтаксической зависимости. Иначе трудно объяснить тот факт, что признавая подлежащее и сказуемое главными членами предложения, лингвисты высказывают различные суждений о типе связи между этими элементами. Во-первых, существует мнение, что подлежащее и сказуемое — равноправные, противопоставленные друг другу члены предложения [4]. Во-вторых, утверждается, что подлежащее и сказуемое взаимозависимы [5—6]. В-третьих, проводится мысль, что сказуемое зависит от подлежащего, которое является абсолютно независимым членом предложения [7—8].

² Заметим, что А. А. Холодович не рассматривает «промежуточные» точки зрения, которые пытаются объединить и примирить противоречивые суждения о доминирующих членах предложения.⁴ Некоторые из этих точек зрения изложены в [3].

а в пользу доминантности подлежащего и сказуемого вообще не может быть предложено лингвистической аргументации.

Таким образом, если вспомнить, что традиционное учение о предложении сложилось в XIX в., структурное языкознание сформировалось в начале XX в., а прикладное языкознание как самостоятельная дисциплина выделилось в середине XX в., то нетрудно сделать вывод, что правильной оказалась точка зрения, которая была высказана позже других. Полностью принимая и разделяя принципиальные выводы А. А. Холодовича, мы хотели бы показать в этой работе, что идеи вербоцентричности предложения были уже распространены в традиционном русском языкознании XIX в.³

Несколько огрубляя реальное положение вещей, но никоим образом не искажая его, мы рискнули бы высказать следующее общее утверждение. Лейтмотив учения о предложении и его синтаксическом строении в русском языкознании XIX в. состоял в том, чтобы сбросить с лингвистики скорлупу логики, вычленив свой собственный предмет, свои задачи и цели исследования, найти свои собственные лингвистические методы анализа материала. Вместе с тем представляется, что с хронологической точки зрения можно выделить два четко очерченных и содержательно отличающихся друг от друга периода: Первый период — от начала века до конца 50-х годов, точнее, до публикации в 1858 г. «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева [12]. Второй период — от 1858 г. до начала XX века. Характерная черта первого периода — наличие единой концепции членов предложения, которую в наше время принято называть, а тем самым и характеризовать как формально-логическую.

Для грамматических воззрений начала и середины XIX в. характерно понимание языка как средства, служащего человеку для выражения чувств и мыслей. Как подчеркивал Н. И. Греч: «... говорить значит не иное что как мыслить вслух, а мыслить — говорить в уме» [13, с. 2]. Таким образом, между процессами говорения и мышления особой разницы не усматривалось, более того, они практически отождествлялись. При данном понимании соотношения между мыслью и словом вполне естественно акцентируются «тесная связь науки, заключающей в себе законы, по коим человечество мыслит (Логика), с наукою, преподающей правила, на основании которых он (человек. — Х. В.) мысли свои выражать должен (Грамматика)» [13, с. 2]. Однако у грамматики свои цели и задачи. «Показать общие законы слова человеческого, на началах мышления, и частные особенности, объясняемые сравнением отечественного языка с языками однородными и соплеменными, вот, по-моему мнению цель отечественной грамматики», — утверждает академик И. И. Давыдов [14, с. IV]. Следовательно, в грамматике усматривается два типа закономерностей: одни — общие, детерминируемые общечеловеческими законами мышления (= универсально-типологические), и другие — частные, определяемые тем местом, которое каждый конкретный язык занимает среди родственных ему языков (= сравнительно-исторические).

В этот период языковеды характеризуют предложение с логических позиций, определяя его как суждение или мысль выраженную в словесной форме [13, с. 235; 15, с. 322; 16, с. 31; 17, с. 1; 14, с. 221]. Исходным, неопределяемым, а стало быть, известным в приведенном определении является логическое понятие суждения или мысли. Представление о том, что лингвистическая трактовка предложения не должна основываться на логических понятиях, возникает только в

³ Видимо, нелишне отметить, что благодаря трудам ряда исследователей и в первую очередь академика В. В. Виноградова [11], мы неплохо осведомлены о творчестве многих выдающихся русских ученых XIX — начала XX в., например, таких, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. В. Добиаш, Д. И. Овсяннико-Куликовский и др. Что касается лингвистических проблем той эпохи, то они характеризовались в основном сквозь призму творческих биографий и анализа деятельности названных ученых. Иными словами, важно подчеркнуть, что история русского языкознания XIX в. изучалась до сих пор не столько проблемно и концептуально, сколько персонально.

самом конце этого периода. Так, В. И. Классовский, видимо, первый отмечает, что «в отношении грамматическом (разрядка наша.— Х. В.) предложение обязано удовлетворять только правилам синтаксиса, т. е. состоять из слов, надлежащим образом оканчивающихся и размещенных как следует» [18, с. 238]. В доказательство своей мысли он рассматривает предложение *Люди летают на собственных крыльях*, которое, по его мнению, с грамматической точки зрения является вполне правильным, хотя и не выражает суждения⁴.

✓ Поскольку предложение — это суждение, выраженное словами, то члены предложения — это части суждения. Суждение состоит из подлежащего и сказуемого, следовательно, из этих двух частей состоит и предложение. Обобщая и усредняя даваемые в этот период определения подлежащего и сказуемого, можно утверждать, что под подлежащим понимается то (понятие, слово, предмет), о чем говорится в предложении, а под сказуемым — то, что говорится о подлежащем или что приписывается подлежащему. Ср., например: «Предложение с глаголом личным состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым. Подлежащее есть имя предмета, о котором говорится. Сказуемое есть глагол или все то, что о предмете говорится; напр. *Солнце сияет. Науки полезны. Праздность есть порок*» [15, с. 220; см. также 13, с. 236; 16, с. 5; 14, с. 271]. Наряду с подлежащим и сказуемым многие ученые выделяли в предложении еще один элемент, а именно связи или связку: «В предложении находится связь, которою сказуемое с подлежащим соединяется в одно целое. Эта связь выражается или глаголом *есмь* или окончанием сказуемого» [14, с. 272; см. также 13, с. 236; 16, с. 5]. Довольно очевидно, что при логическом членении в предложении, кроме подлежащего и сказуемого, ничего не может быть. Понятие связки — избыточное с логической точки зрения и возникло лишь под воздействием языкового материала, а именно, наличия связочных глаголов, а также согласования глагольного сказуемого с именным подлежащим в числе и роде, а с местоименным подлежащим еще и в лице.

Наряду с логическим членением в первой половине XIX в. проводилось и грамматическое членение предложения. Основные элементы грамматического членения — грамматические подлежащее и сказуемое, которые хотя и коррелируют с понятиями логических подлежащего и сказуемого, однако совпадают с ними, как мы бы сказали теперь, только в частном случае. Отличия грамматических подлежащего и сказуемого от логических были сформулированы уже Н. И. Гречем. Исходя из того, что логическое подлежащее может быть представлено группой слов, и называя такое подлежащее составным, он пишет следующее: «В составном подлежащем отличается логическое от грамматического (разрядка наша.— Х. В.): подлежащим логическим называются все слова, составляющие; например: *алая роза*, а грамматическим именуется только главное слово: *роза*» [13, с. 237]. Аналогичное рассуждение проводится и для того, чтобы различить логическое и грамматическое сказуемое [13, с. 238]. При таком подходе в предложении *Алая роза без шипов цветет только в сказках* логическое и грамматическое подлежащее и сказуемое отличаются друг от друга: логическое подлежащее — *алая роза без шипов*, грамматическое — *роза*, логическое сказуемое — *цветет только в сказках*, грамматическое — *цветет*. Совпадают друг с другом логическое и грамматическое подлежащее и сказуемое только в простых нераспространенных предложениях типа *Роза цветет*.

Грамматические (они же логические!) подлежащее и сказуемое — те элементы, которые необходимы и достаточны для образования предложения. Эта мысль проходит через все лингвистические работы анализируемого периода. По словам М. П. Перевлесского, «простое нераспространен-

⁴ В связи со сказанным вспоминается полемика, возникшая в 50-х годах нашего столетия вокруг сконструированного Н. Хомским предложения *Colorless green ideas sleep furiously* «Бесцветные зеленые мысли яростно спят», которое с логической точки зрения не отличается от предложения *Люди летают на собственных крыльях*.

ное предложение состоит из одного сказуемого и одного подлежащего. Оно выражает одно суждение, и понятие его не развиты другими понятиями» [16, с. 7; см. также 14, с. 272].

Вместе с тем в предложении могут быть, хотя и не обязательно быва-ют, определения (определятельные слова, атрибуты) и дополнения (дополнительные слова, объекты), которые поясняют подлежащее и сказуемое. Как отмечает П. М. Перевлесский, «определятельным (*le complement terminatif, das Attribut, attributum*) называется то слово в предложении, которое поясняет понятие о предмете указанием его примет (видовых или единичных)» [16, с. 8]. Так, в предложении *Лежащий товар не кормит* определением является слово *лежащий*. «Дополнительным, — пишет далее П. М. Перевлесский, — называется то слово, которое поясняет понятие о признаке (напр.: о действиях или качествах)» [16, с. 9; см. также 15, с. 222; 14, с. 272]. Практически все исследователи проводят внутреннюю субкатегоризацию дополнений, которые «разделяются на два рода: на дополнительные — собственно и обстоятельства. Дополнением в собственном смысле (*le complement objectif, das Objekt, objectum*) называется то слово, без которого нельзя себе представить понятия о признаке. Стало быть, необходимость его лежит в природе слова дополняемого и не зависит от лица говорящего» [16, с. 10]. Дополнением является, например, слово *бедность* в предложении *Леность наводит бедность*. «Обстоятельством же (*le complement circonstanciel, das Adverbiale*) называется то слово, без которого понятие о признаке может быть представляемо, и, следовательно, оно может быть с ним или без него. Таковы все слова, которые объясняют дополняемое или в отношении *места* и *времени* или в отношении *образа* и *причины*» [16, с. 10]⁵. Лишь в конце рассматриваемого периода некоторые исследователи начинают характеризовать дополнение и обстоятельство как самостоятельные члены предложения. Так, по мнению В. И. Классовского, «слова, которые поясняют главные члены предложения, называются дополнительными, определятельными и обстоятельственными» [18, с. 246].

Из изложенного уже ясно, как решался вопрос о доминации членов предложения в русском языкознании первой половины XIX в. При логическом членении предложения логические подлежащее и сказуемое — два обязательных, взаимно предполагающих друг друга члена предложения. При грамматическом членении подлежащее и сказуемое характеризуются как главные (существенные) члены предложения, которые противопоставляются всем остальным как второстепенным (поясняющим). Такую иерархию членов предложения мы находим уже у Н. И. Греча [13, с. 344], а в дальнейшем она практически представлена во всех работах этого периода.

Хотя подлежащее и сказуемое оба трактуются как главные члены предложения, они с грамматической точки зрения, поддерживаемой и семантической аргументацией, рассматриваются как *н е р а в н о п р а в н ы е*. Г р а м м а т и ч е с к о е с к а з у е м о е о к а з ы в а е т с я в а ж н е е г р а м м а т и ч е с к о г о п о д л е ж а щ е г о. Основание для такого заключения дали бесподлежащие предложения, которые требовали соответствующей интерпретации. Первым на такие предложения как будто бы обратил внимание выдающийся русский филолог А. Х. Востоков, который, полагая, что «во всяком предложении должен быть глагол личный или безличный», указывал, что «предложение с глаголом безличным не имеет явного подлежащего, а состоит из одного сказуемого, напр.: *Рассветает. Пора вставать. Надобно работать*» [15, с. 220].

⁵ В 60-х годах нашего столетия в работах А. А. Холодовича, С. Д. Кацнельсона и других ученых была высказана гипотеза, согласно которой критерии для разграничения дополнений и обстоятельств следует искать в их семантических взаимоотношениях со сказуемым. В соответствии с этим подходом дополнения в отличие от обстоятельств участвуют в толковании сказуемого. Представляется, что мысль П. М. Перевлесского о том, что дополнение в отличие от обстоятельства — это слово, «без которого нельзя себе представить понятия о признаке», находится в русле тех идей, которые были развиты на столетие позже.

Образцом логико-семантической аргументации, обосновывающей «второстепенность» подлежащего по сравнению со сказуемым, можно считать аргументацию П. М. Перевлесского, который, сопоставляя подлежащее и сказуемое, писал: «Из них подлежащее есть член *подчиненный*, а сказуемое — *подчиняющий*; потому что сказуемое составляет собственно содержание предложения и выполняет главную цель и задачу суждения — *определить частное через общее*. Оттого нередко целое предложение выражается одним сказуемым, а подлежащее в нем пропускается» [16, с. 6]. Сходную аргументацию мы находим и у других авторов. «Сказуемое составляет собственно содержание предложения... От того иногда целое предложение выражается одним сказуемым», — пишет И. И. Давыдов [14, с. 272]. Приблизительно так же формулирует свою мысль и В. И. Классовский: «... по значению... своему в предложении сказуемое важнее подлежащего. Вследствие этой важности сказуемого целое предложение может быть выражено одним сказуемым, напр.: *Смеркалось. Зарябило в глазах*. Здесь подлежащее до того неопределенно, что в грамматике даже считают его вовсе не существующим» [18, с. 244].

Резюмируем сказанное. При логическом членении предложения вопроса об иерархии членов предложения не возникает. Подлежащее и сказуемое — два равноправных и единственных члена предложения. При грамматическом членении второстепенные члены предложения как необязательные и поясняющие противопоставляются главным. Кроме того, подчеркивается, что среди главных сказуемое является репрезентирующим и противопоставляется «второстепенному» подлежащему, которое семантически не столь существенно, как сказуемое, и не обязательно представлено в каждом предложении. Таким образом, фактически подлежащее понижается в ранге и противопоставляется сказуемому на тех же самых основаниях, на каких второстепенные члены предложения противопоставляются главным. Следовательно, мысль о том, что подлежащее не такой главный член предложения, что и сказуемое, возникает уже в первой половине XIX в., будучи стимулирована конкретным эмпирическим материалом.

Русское языкознание второй половины XIX в. развивалось под знаком резкой критики учения о логическом членении предложения, принятого в первой половине века, и отказалось от него. Первым против сближения и даже отождествления основных понятий грамматики и логики, столь характерного для русской лингвистической мысли предшествующего периода, выступил А. А. Потебня. Прежде всего А. А. Потебня акцентирует внимание на том, что у логики и у грамматики различные предметы исследования. Он подчеркивает, что «...для логики словесное выражение примеров ее построения безразлично» [19, с. 61], тогда как грамматике интересует именно это и ничто другое. Он выступает против обычной практики отождествления слова и понятия, предложения и суждения. Он пишет: «Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию» [19, с. 61]. И далее: «Грамматическое предложение вовсе нетождественно и непараллельно с логическим суждением» [19, с. 61]. «Грамматические категории, — по мысли А. А. Потебни, — не совпадают с логическими» [19, с. 62]. Это прежде всего относится к категориям членов предложения: «Категории предмета и его признака не нужны для логики, для которой и то, и другое — только понятия, совокупности признаков. Тем менее возможно вывести из логического суждения прочие члены предложения: определение, обстоятельство, дополнение» [19, с. 61]. А. А. Потебня развивает высказанную уже В. И. Классовским идею о том, что в предложениях типа *Люди летают на собственных крыльях* выражается мысль, которая не является логичной. А. А. Потебня подчеркивает, что у логики и у грамматики не только различные предметы, но и различные задачи исследования. Логика изучает законы правильного мышления, отвечает на вопрос, не противоречива ли мысль, тогда как языкознание,

будучи в отличие от логики не гипотетической, а генетической наукой, «рассматривает процесс сказывания» [19, с. 63]. В результате А. А. Потебня показал, что логическое членение предложения не является лингвистической задачей и что к ведению языкознания относится только грамматическое членение.

Что касается грамматического членения предложения, то в нем терминологически закрепились сформировавшееся в предшествующий период представление о том, что подлежащее и сказуемое — главные члены предложения, которые противопоставляются остальным как второстепенным. Однако при этом многие исследователи, как и ранее, обращали внимание на то, что сказуемое в отличие от подлежащего обладает свойством репрезентативности. В частности, уже Ф. И. Буслаев подчеркнул, что глагольное сказуемое может выступать репрезентантом подлежащего. Он писал: «...подлежащее выражается... самим лицом глагола; напр. *ес-мь, да-м, ес-ть, буд-е-м, я говор-ю, ты говори-шь*» [12, ч. II, с. 24].

Репрезентативную функцию глагольного сказуемого всячески подчеркивал А. А. Потебня. Напомним в этой связи его определение предложения: «Главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случая опущения глагола), без *verbum finitum* (т. е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение, напр., *будет* (с предполагаемым как определенным, так и неопределенным субъектом). Поэтому, определивши такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении...» [19, с. 78]. Вербоцентричность составляет суть синтаксической концепции А. А. Потебни. Для него очевидна доминирующая роль глагольного сказуемого в структуре предложения. Он так и пишет: «Наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов» [19, с. 104].

Идеи А. А. Потебни о вербоцентричности предложения развивает его ученик Д. И. Овсяннико-Куликовский. С его точки зрения, «важнейшая часть предложения это сказуемое, иначе называемое предикатом. Оно-то и есть носитель и выразитель того движения мысли, которое известно под именем *предикативности* (предцирования, сказуемости) и без которого предложение невозможно» [20, с. 50]. «Необходимым носителем сказуемости (предикативности) является глагол» и «без глагола или, по крайней мере, без глагольности нет предложения» [20, с. 50]. Таким образом, для Д. И. Овсяннико-Куликовского, как и для А. А. Потебни, доминирующим членом предложения является сказуемое, без которого «не может быть предложения, между тем как все прочие части могут отсутствовать. Так, „светает“, „морозит“, „тошнит“ это предложения, состоящие из одних сказуемых» [20, с. 51].

Наиболее ярко и оригинально идеи вербоцентричности предложения разрабатывает во второй половине XIX в. А. А. Дмитриевский, чье творчество все еще остается недостаточно широко известным, хотя и заслуживает детального анализа. Его основная работа — статья «Практические заметки о русском синтаксисе», которая частями публиковалась в журнале «Филологические записки» за 1877—1878 гг. А. А. Дмитриевский утверждает, что в предложении не два главных члена: сказуемое и подлежащее, а только один — сказуемое. Что касается подлежащего, то оно — одно из дополнений. Впрочем, вот что говорит сам А. А. Дмитриевский: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение. Иначе сказать: и само предложение есть не что иное, как сказуемое или одно, или с приданными ему другими членами» [21, вып. IV, с. 22—23].

По мнению А. А. Дмитриевского, это утверждение имплицитно высказал уже А. А. Потебня: «...хотя г. Потебня и не назвал прямо подлежащее второстепенным членом, все-таки *minimum* предложения он признает в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем» [21, вып. IV, с. 37]. Аргументацию этого утверждения А. А. Дмитриевский находит в том, что роль подлежащего при одних сказуемых аналогична роли дополнений при других. Он пишет: «...как для одного сказуемого ближайшее — подлежащее, так для другого ближайшее — какое-либо из дополнений и столь же важно для него, как подлежащее для первого. Значит, подлежащее играет столь же второстепенную роль в предложении, как и дополнение» [21, вып. IV, с. 30]. Еще один аргумент А. А. Дмитриевского заключается в обратимости подлежащего и дополнения, т. е. в том, что эти члены предложения в ряде случаев могут меняться местами. Имеются в виду примеры типа *Мне жаль* ↔ *Я жалею* и т. п. А. А. Дмитриевский не строит иллюзий относительно того, что его мысль о второстепенности подлежащего найдет последователей. Он пишет: «Я уверен даже, что и многие педагоги, и, может быть долго будут чтить подлежащее как богато-громовержца, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну и благо им!» [22, вып. VI, с. 27]. Автор подчеркивает, что многие добросовестные научные заблуждения живут века, приводя в качестве одного из примеров историю открытия вращения Земли вокруг Солнца и сопоставляя картины мира Птолемея и Коперника.

Вместе с тем А. А. Дмитриевский утверждает, что «...в ряду дополнений подлежащее — главное дополнение, по сравнению со сказуемым, оно второстепенный член предложения» [22, вып. VI, с. 17—18]. В этом утверждении по существу высказывается мысль об иерархической организации формально однородных и непосредственно зависящих от сказуемого второстепенных членов предложения. Заслуживает также внимания идея А. А. Дмитриевского, что определения — не члены предложения, а части тех членов предложения, от которых они непосредственно зависят.

А. А. Дмитриевскому принадлежит образная динамичная характеристика предложения, в соответствии с которой «...предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актером того действия, которое есть мысль» [21, вып. III, с. 12]. И далее: «Предметы-дополнения — действующие лица сцены; обстоятельства — сама сцена, а предложение — драма мысли» [21, вып. IV, с. 76]. Очень любопытно, что к сравнению предложения с театральным представлением спустя почти столетие прибегает в своем «Структурном синтаксисе» известный французский лингвист Л. Теньер, с именем которого обычно связывают создание вербоцентрической концепции предложения [23]. Сходство идей, развиваемых А. А. Дмитриевским и Л. Теньером, а главное, сходство формулировок позволяет думать, что Л. Теньер был знаком с творчеством А. А. Дмитриевского. В принципе ничего невозможного в этом нет. Ведь Л. Теньер специализировался в области русского языкознания и написал грамматику русского языка [24]. Он приезжал в СССР, где познакомился со многими известными советскими языковедами, в частности с академиком Л. В. Щербой, который, хорошо зная русское языкознание XIX в., мог обратить его внимание на статью А. А. Дмитриевского. Разумеется, Л. Теньер полностью самостоятелен в своем учении о предложении, однако одним из стимулов к его созданию могло послужить знакомство со взглядами А. А. Дмитриевского. Высказывая это предположение, мы вместе с тем хотим подчеркнуть, что идея вербоцентризма известна во французском языкознании, начиная с Грамматики Пор-Рояля.

Нам остается подвести итоги. Как следует из изложенного, идеи вербоцентричности предложения возникли не в прикладном языкознании середины XX в. Это вполне канонические представления, достаточно широко распространенные в русском языкознании XIX в. Обычная для языковедческих работ этого периода характеристика и подлежащего, и сказуемого как главных членов предложения, доставшаяся по наследству от логического анализа и никак лингвистически не интерпретируемая,

не должна вводить нас в заблуждение, ибо среди так называемых главных членов предложения единственно необходимым, а тем самым и репрезентативным многие исследователи считали глагольное сказуемое⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения. — В кн.: Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
2. Долинина И. В. Способы представления синтаксической структуры предложения. — В кн.: Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
3. Храковский В. С. Проблема доминанции членов предложения и система абстрактных синтаксических структур. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
5. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf, 1962.
6. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Л., 1938.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
9. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
10. Карцевский С. О. Повторительный курс русского языка. М., 1928.
11. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
12. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
13. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
14. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
15. Востоков А. Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1844.
16. Перевесский П. М. Начертание русского синтаксиса. М., 1848.
17. Классовский В. И. Грамматические заметки. СПб., 1855.
18. Классовский В. И. Русская грамматика. СПб., 1856.
19. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888.
20. Овсянко-Куликовский Д. И. Синтаксис русского языка. СПб., 1902 г.
21. Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе. — Филологические записки, 1877, вып. III, IV.
22. Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе. — Филологические записки, 1878, вып. I, II, IV, VI.
23. Tesnière L. Éléments de syntaxe strycturale. Paris, 1959.
24. Tesnière L. Petite grammaire russe. Paris., 1934.
25. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

⁶ Проблема распространения идей вербоцентризма в русском и советском языкознании XX в. должна обсуждаться отдельно. Вместе с тем нелишне отметить, что вербоцентрической концепцией предложения с начала 30-х годов руководствовались исследователи проблемы эргативности (С. Л. Быховская, А. А. Бокарев и др.) [25].